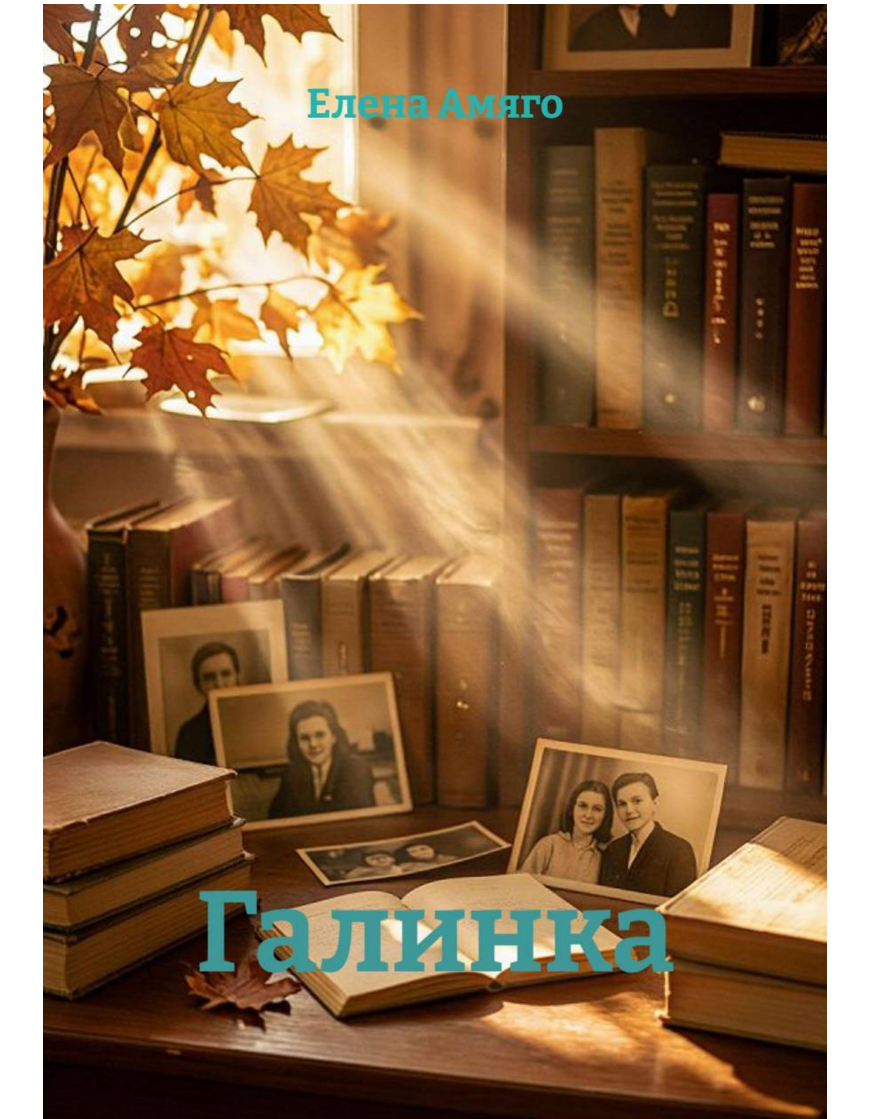

Елена Амяго

Галинка

Елена Амяго

Галинка

<https://litres.ru/74622464>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ о студенческой жизни 1980-х годов. Воспоминания о студенческих днях, о дружбе, о выборе своей судьбы. И о том, как судьба выбирает нас.

Елена Амяго

Галинка

Елена Амяго

ГАЛИНКА

Имена персонажей изменены.

Все персонажи являются вымышленными,
и любое совпадение с реально живущими
или жившими людьми случайно

*Посвящается подруге
студенческих лет*

С Галкой мы познакомились на абитуре. Высокая и стройная, с длиннющей русой косой, Галя устроилась в общежитии во время сдачи экзаменов, а меня, кажется, к ней подселили, когда экзамены уже прошли и мы ждали зачисления. Самое интересное, что я успела сразу же после экзаменов съездить домой и собрать зимние вещи и прочий багаж для учебы в институте, будучи почему-то абсолютно уверенной, что меня зачислят. Я рассуждала, что есть правила поступления, и коль я их выполнила, то какие могут быть проблемы? Уже после зачисления я вдруг поняла, что могли быть

варианты, например, недобор баллов. Конкурс при поступлении был вроде бы даже два с половиной человека на место, а я сдавала всего два экзамена из четырёх положенных: математику и физику (по уровню аттестата). Набрала девять баллов, хотя следовало десять за два экзамена. И, между прочим, тот, кто сдавал бы все четыре экзамена на пятерки, запросто мог составить мне конкуренцию по баллам. Но мне это и в голову не пришло, что меня могут не принять в институт после успешной сдачи экзаменов, простота и наивность Фроси Бурлаковой, да и только!

И вот мы на абитуре, ждем зачисления. Слово «абитуриенты» ассоциировалось у меня тогда с «аборигенами», хотя ничего общего по смыслу не имело. «Абитура» - звучит как барабанный марш, под ритмы которого энергичной и бесшабашной волной молодежь стремится влиться в ряды студентов. Двери института открыты для этой волны, однако, не все в неё проходят. Стоя перед списками зачисленных в институт, я выискивала свою фамилию под стук собственного сердца в висках: а вдруг меня нет в списке? Смешно, что дома я уже со всеми попрощалась на полгода, не меньше. Моя фамилия начиналась на букву «А» и долго по списку искать не пришлось. Галка осторожно водила тоненьким пальчиком туда-сюда по перечню фамилий и не находила своей – Тарасюк. Я тоже поглощена была процессом: наблюдала за розовеющими щеками, вздрагивающими ресницами этой высокой будущей студентки и сильно волновалась. Мне так хо-

телось, чтобы Галю обязательно зачислили! Я уже представляла, как мы будем вместе учиться. Вздых облегчения: нашла! Галка засияла и перекинула за спину пушистую косу: «Есть!» Ура! Мы с ней студентки.

А ведь ещё совсем недавно позади остались школьные выпускные экзамены, выпускной бал и ожидание вызова из ВУЗа. Раньше ведь отправляли в приёмную комиссию копии документов и ждали приглашения на экзамены. Но, прежде чем решить, куда именно направить документы, мне пришлось немало поколебаться. По плану я должна была поступать в Красноярский медицинский институт, потому что именно к нему и готовилась. Но в самый последний месяц учёбы в школе меня вдруг перестали там ждать. Это отдельная история, о ней как-нибудь в другой раз напишу.

Слоняясь по огороду в глубоких раздумьях — куда же мне ехать поступать, если не в Красноярский мед, к которому, честно сказать, и душа-то не лежала, я решила довериться рулетке! Забежала в свою комнату, взяла в руки справочник для поступающих в ВУЗы, зажмурила глаза и открыла наугад страницу. Так же вслепую ткнула пальцем, не решаясь разомкнуть веки. Сердце трепетало от волнующей интриги. Набрал полные лёгкие воздуха, приоткрыла один глаз: что там? Ах! Хабаровский политехнический институт! Тааак... А какие факультеты здесь? О, есть с красивым названием «инженерно-экономический» и выбранная специальность мне сразу понравилась по названию - «экономика машинострое-

ния». Ой, как всё красиво и солидно звучит!

— Бабушка! — закричала я из своей комнаты. — А может быть, я в Хабаровск поеду поступать, а?

— В Хабаровск? — обрадовалась бабушка, выглядывая из кухни и вытирая руки о передник. — А что, поезжай! Как раз Иринка Шестякова собирается ехать вместе со своей тётей, я попрошу, она и присмотрит за тобой.

У бабушки тоже очень болело за меня сердце: как меня, одну, отправлять в незнакомый город? Ведь я ни разу никуда не уезжала без взрослых.

— Всё! Решено! — радостно подскочила я. — Так, какие там надо сдавать экзамены?! — И с интересом полистала справочник дальше.

Оказалось — математика и физика. Раз плюнуть! Это тебе не химия, в которой я не очень-то была уверена, и которая требовалась при поступлении в медицинский институт.

С книжкой в руках, подпрыгивая от радости и лёгкости решения, я закружилась по комнате: поеду в Хабаровск. Но вдруг остановилась: а ведь это совсем в другую сторону света, между прочим! Тряхнула головой, отбрасывая сомнения: и пусть!

«Вот пусть теперь подумает, как молчать!» — затаённо подумала я. (Мы-то знаем, кому это адресовалось, но об этом позже).

И вот это спонтанное решение было реализовано. Однако, когда я уже сдавала экзамены в институт, я искренне моли-

лась... чтобы «завалить» физику (это был первый экзамен) и вернуться домой, в родной посёлок, где всё родное и друзья-одноклассники.

Тогда, рыдая перед выпускным балом от боли предстоящего расставания со школой, я и представить себе не могла, как права окажется моя тётушка Нэля, которая утешала меня странным образом.

— Одноклассники, конечно, дороги тебе, но пройдёт время, и ты поймёшь, что это не самые твои близкие друзья, вот увидишь! Ты поедешь учиться в институт, там встретишь других людей, съешь с ними пуд соли и вот именно они станут тебе дороги и с ними ты будешь долго и, возможно, всю жизнь общаться. Поверь мне... — уговаривала меня тётя Нэля, продолжая шить моё выпускное платье эксклюзивного фасона.

— Да не может быть, чтобы я смогла забыть своих одноклассников! — всхлипывала я, размазывая по щекам слёзы. — Да я их никогда! — шумно втянув в себя воздух, твердила я. — Никогда не забуду...

Однако тётя Нэля оказалась права... не то чтобы я совсем забыла своих одноклассников, но действительно, в институте я встретила друзей и подруг, которые стали мне гораздо ближе по духу и с некоторыми я поддерживаю связь до сих пор.

Физику я сдала на пятерку, к своему удивлению, ведь я считала, что не очень-то сильна в этой науке. Оставалась ма-

тематика, а в ней я как раз была уверена. Однако эта уверенность меня подвела: математику я сдала уже на балл ниже. Но ведь я молилась вообще завалить экзамены! Успешная сдача меня несколько не обрадовала, потому что означала неизбежность разлуки с родным домом.

И вот, заливаясь слезами на перроне вокзала в окружении многочисленной родни, я была готова сбежать, только бы пропустить этот поезд. А меня провожали, как в армию: папа, бабушка, дедушка, две тётушки Нэля и Оля и два дяди: Толя и Сергей Иванович, да ещё один родной дядя Петя. Все подбадривали меня, как могли — гармошки им не хватало для полной картины.

Состав шумно прибыл к платформе. С подножки вагона соскочила шустрая молоденькая блондинка-проводница, ловко протирая поручни.

— Смотри, это наверняка тоже студентка. Катается вон, не боится из дома оторваться! — отвлекала меня, как могла, тётя Нэля. И тут же обратилась к ней:

— Девушка, Вы студентка?

— Да! — весело отозвалась проводница. — Из Железнодорожного института, на практике.

Она приветливо улыбалась, принимая билеты у первых пассажиров.

— Ну вот! И ты скоро так же легко будешь уезжать и приезжать, — уговаривала меня тётя Нэля, ласково подталкивая к вагону.

Дяди заносили в вагон вещи, тётя Оля сама была со слёзками на колёсках, а бабушка едва сдерживалась и мало что говорила мне в утешение. Её саму бы кто утешил в такой момент... Хорошо и бодро держался папа, хотя он нервно покуривал и пытался всячески шутить про предстоящую студенческую жизнь. Всё руководство проводами взяла на себя деловитая тётя Нэля. Она быстро нашла нужное купе, командовала, куда распределить багаж и расцеловала меня, бережно вытирая обильные слёзы с моего лица. Затем велела всем попрощаться и выйти, чтобы продолжить проводы уже с перрона. Ну точно: «долгие проводы – лишние слёзы!» Это первое расставание с близкими я запомнила на всю жизнь. Оно казалось мне самым неотвратимо-трагичным, неизбежным и жестоким. Однако такова жизнь. Студенческая!

Ехать на поезде предстояло тридцать с лишним часов. За это время я, конечно, успокоилась и накатала несколько длинных писем подружкам.

А в Хабаровске плакать уже было некогда: нужно было обустроиваться в общежитии и обживаться на новом месте. Вот этим мы с Галкой сразу и занялись.

Как только списки зачисленных утвердили, выяснилось, что впереди нас ждёт колхоз. Студентам давали неделю до поездки «на картошку», чтобы подготовиться к учебному году, привезти вещи и всё необходимое. Но у меня-то уже весь багаж был с собой! А ехать опять домой на три дня — только сердце рвать да деньги тратить. Мне теперь приходилось

строго рассчитывать свой скромный бюджет и привыкать к самостоятельности.

В ночь перед колхозом мы с Галкой спали на голых панцирных сетках: «коменда» заставила нас сдать постельное бельё заранее перед самым отбытием. Ночь выдалась тревожной. Зато клопам на этот раз не удалось полакомиться нашей кровушкой — им просто негде было спрятаться на пустых железных кроватях, либо они переехали вместе с матрасами к «коменде». К нам с Галкой в тот вечер напросились ещё две неразлучные подружки, Таня и Маша. Именно тогда мы и решили, что после возвращения из колхоза обязательно будем жить вчетвером.

Наша временная комната была расположена как раз над входным козырьком общежития. Именно по этому козырьку среди ночи к нам в окно вломились какие-то хулиганы! А мы-то были домашними, приличными девочками и настраивались хоть как-то выспаться перед дальней поездкой.

Танина кровать стояла под окном, и непрошенный ночной гость, пролезая в комнату, наступил прямо на спящую подругу. Та с оглушительным визгом соскочила с кровати и прыгнула в мою сторону, навалившись всем девичьим весом на мою сумочку. Очки, лежавшие там без футляра, этого Таниного марш-броска не пережили.

Правда, раздавленные окуляры я обнаружила позже, когда мы на катере проходили по Амуру мимо китайской границы. Мне страшно захотелось разглядеть на том берегу китайцев,

и я полезла в сумку. Блин, стекло треснуло! Но я всё равно нацепила их, пытаюсь попасть глазом в уцелевший кусочек линзы и хоть одним глазком взглянуть на иностранную державу. Вроде бы что-то даже увидела, но что именно там разглядела — точно не помню. Впрочем, я не сильно расстроилась: мне всё равно не особо нравились эти очки и хотелось заказать другую, более модную оправу. Ток что я совершенно спокойно убрала их обратно.

Ну вот едем мы по Амуру в колхоз убирать картошку. По плану наша трудовая повинность должна была продлиться целый месяц, поэтому, конечно, я взяла полную сумку сменных вещей — и тёплых, и лёгких. Ведь неизвестно, какая погода зарядит в конце сентября.

При посадке на катер встречавший студентов матрос испуганно ахнул, принимая у меня ношу:

— Девушка, вы обалдели — такой багаж с собой таскать! Мы же с ним потонем!

Тоже мне, шутник. Но примерно на середине пути капитан нашего судна или его помощник суетливо забежал из конца в конец, разбудив задремавших пассажиров.

Оказывается, в хвосте катера что-то загорелось, повалил густой чёрный дым, и экипаж подал сигнал бедствия. Я была немного напугана, но внутри сидела твёрдая уверенность: ну не могу я так бездарно утонуть посередине Амура в самом начале своего студенчества! Стоило ли ради этого столько мучиться при поступлении?

Через несколько минут к нашему борту причалила спасательная шхуна, и мы прямо на воде по хлипким мостикам перебрались на исправное судно. Кое-как переместили и мою огромную ношу. Было такое ощущение, что у меня одной оказалась самая большая сумка — коричневая с огромной металлической пряжкой и на молнии.

— Я же говорил вам! — ворчал знакомый матрос, перетаскивая мой багаж. — Нельзя так перегружать катер!

«Как будто это из-за моей сумки у них мотор загорелся», — хмыкнула я про себя, но вслух ничего не сказала. Я тогда была очень стеснительной и скромной.

В колхозе нас разделили на отряды по десять человек, а мы с Галкой ни в один не вписались, так как оказались в остатке от деления. Ну и что! Зато мы с ней создали свой собственный двоичный отряд и ни от кого не зависели. Шпарили впереди всех, не разгибая спины и финишируя самыми первыми.

Вечером за ужином мы начали знакомиться с потоком. Девчонки весело смеялись, рассказывая, что какие-то «жопы с локтями» шустро выкапывали картошку со своей грядки, прямо как в мультике. Мы с Галкой переглянулись, улыбнулись и признались, что это были мы.

— Да ну! — сконфузились «колхозницы». — Там вроде другие были...

— Ну да, — поддакнула Галка. — Со спины у нас просто другая внешность.

Девчонкам стало жутко неловко, а нам с Галкой — очень смешно.

Условия в колхозе были жёсткие: ранний подъём, умывание на улице ледяной водой, от которой сводило зубы, затем построение и разнарядка. Если опоздаешь на построение, то идёшь на кухню чистить картошку на обед и ужин — и это было худшее наказание. Уж лучше копать в поле!

Я-то была привычна к ранним подъёмам и ледяным процедурам, потому что в нашем посёлке в умывальнике сроду не водилось горячей воды. Хотя дедушка всегда разбавлял себе холодную кипятком, чтобы умываться с комфортом. Я же, напротив, специально наливала воду посвежее и похолоднее прямо из бочки, чтобы быстрее проснуться. В общем, сознательно поддерживала спартанский режим.

А вот Галка привыкла к благоустроенному быту, и для неё утренние водные процедуры на улице были настоящей пыткой. К тому же она с огромным трудом просыпалась по утрам. Галка спала до последней минуты, а потом, минуя умывальник, сразу бежала на построение. Мол, умоюсь позже, когда вода хоть немного прогреется на солнышке. Но если кого-то засекали у рукомойников после построения, нарушителей тут же списывали дежурить на кухню. Поэтому иногда Галка так и ходила целый день неумытая, лишь бы не чистить картошку. Я над ней по-доброму посмеивалась.

А вот Галка привыкла к благоустроенному быту, и для неё утренние водные процедуры на улице были настоящей

пыткой. К тому же она с огромным трудом просыпалась по утрам. Галка спала до последней минуты, а потом, минуя умывальник, сразу бежала на построение. Мол, умоюсь позже, когда вода хоть немного прогреется на солнышке. Но если кого-то засекали у рукомойников после построения, нарушителей тут же списывали дежурить на кухню. Поэтому иногда Галка так и ходила целый день неумытая, лишь бы не чистить картошку. Я над ней по-доброму посмеивалась.

На поле нас возили на бортовых грузовиках. Причём туда машин было больше, а обратно за нами приезжало почему-то меньше, и мы набивались в кузов плотными гроздями. Иногда внутри помещались только ноги, а всё остальное тело висело снаружи. Так и ехали, крепко держась за друзей. Подпрыгивая на ухабах и кочках, мы даже не думали о том, что это опасно! Сейчас понимаю, что свалиться под колёса на ходу при такой посадке было проще простого.

Но, видимо, студенческая харизма оберегала нас: нам было весело, и, возвращаясь с поля, мы вовсю пели песни.

В колхозе нас кормили исключительно рисом, несмотря на бесконечные чистки картошки на кухне. Куда девалась начищенная картошка — одному водителю известно! Утром была молочная рисовая каша, в обед — плов, вечером — рис в качестве гарнира. Да, мясо тоже давали, но вот овощей было мало. Из напитков: утром — какао, днём — компот, вечером — чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.